

Скорю Лии Николаевне исполнится девяносто. Часто вспоминает прошлую счастливую жизнь, отрезанную войной. Смотрит в окно дома на Советской улице, но уже никого не ждет. Год назад похоронила единственную дочь Катю. В сорок первом последний раз взглянула на мужа. В память о нем осталась фотография, полученная через несколько дней после 22 июня.

На снимке Владимир Петрович Пащенко в форме капитана медицинской службы. Словно предчувствуя гибель, он исписал оборотную сторону прямоугольника нежными словами, адресованными жене, которую с первого дня знакомства называл «мое сероглазое сокровище».

Слова – как завещание: «Моей дорогой, горячо любимой, умной, нежной, ласко-

ября 1941 года, – все, что осталось с тех пор. Позднее пришел безликий конверт с казенной бумагой, где от руки было вписано три слова «пропал без вести».

Последнее письмо от мужа написано буквально накануне ранения и плена. Лия поняла это каким-то шестым чувством. А в конце войны в Ярославле ее разыскал офицер. Он и рассказал о мытарствах Владими-

«МОЕ СЕРОГЛАЗОЕ СОКРОВИЩЕ»

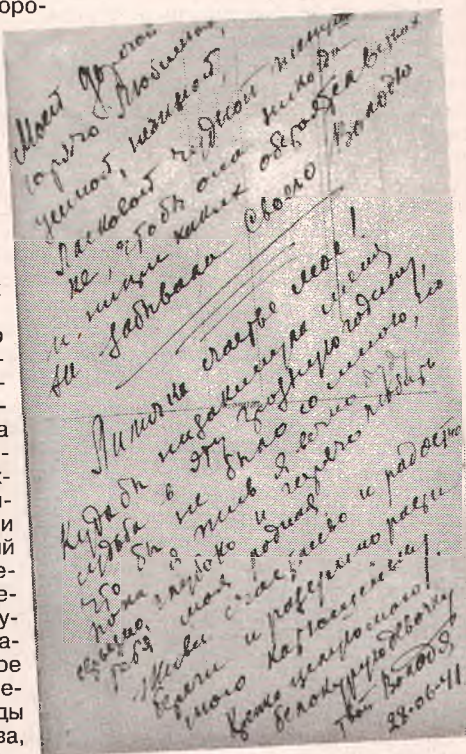
вой, чудной женушке, чтобы она никогда и ни при каких обстоятельствах не забывала своего Володю. Лиличка, счастье мое! Куда бы ни закинула меня судьба в эту грозную годину, что бы ни было со мной, но пока я жив, я вечно буду серьезно, глубоко и горячо любить тебя, моя родная. Живи счастливо и радостно, береги и разумно расти мою Катюшеньку. Твой Володя».

Слова оказались пророческими. Владимир Петрович не дожид до победы. Лия Николаевна осталась верна его памяти: не дала согласия ни одному претенденту на ее руку. После гибели мужа для нее в мире не существовало мужчин. В сердце остались лишь воспоминания о недолгих предвоенных годах семейной жизни.

...Отец Володи, Петр Иванович Пащенко, работал экономическим директором «Красного Перекопа». Мать, Надежда Фридриховна, преподавала немецкий язык в техникуме легкой промышленности. Когда Володя и Лия окончили Горьковский медицинститут, молодоженов направили по распределению в Якутию, в будущий город Мирный. Затем – Ярославль. Вскоре педиатр Пащенко стал учеником известного в те годы детского врача Полетаева, лечившего перекопских ребятишек. Лия трудилась фтизиатром.

Накануне войны Владимира мобилизовали и, как военврача, направили в Калинин. Лия с Катюшей ждали со дня на день вызова к его месту службы. Шесть пожелтевших писем, последнее из которых датировано семнадцатым ок-

ра Петровича в концлагерях. Поведал и о том, как часто врач вспоминал о семье, как помог бежать трем узникам, в числе которых был и этот человек. Когда лагерному начальству донесли об организаторе побега, после допроса ээсовец, отчаявшись получить признание, выстрелил Владимиру Петровичу в живот. И его, еще живого, бросили в пылающее жерло печи крематория.

Письма Скорнякова Лия Николаевна сохранила. Все они из так называемой полевой почты 6833 в городе Козельске. Того самого «злого города», как именует его летопись. Злым он стал и позднее, когда туда привезли около 15 тысяч польских военнопленных: палачи НКВД расстреляли их практически всех. А после окончания Великой Отечественной в лагерь под Козельском попали русские: сюда их везли из фашистских концлагерей «на фильтрацию».

Лия Николаевна прятала и перепривывала эти письма, чтобы их не прочитала Катюша. Сама ответить Леониду не могла. Попросила сделать это медсестру. Так тяжело переживала гибель мужа.

* * *

В День Победы перед окнами дома по Советской вновь пройдут ветераны, еще раз напомнив Лии Николаевне о незаживающей ране войны.

Владимир ШИРЯЕВ.

Фото из семейного архива Пащенко.

...В конце 1945-го стали приходиться письма из Козельска. Еще один узник подтверждал рассказанное офицером. Уточнял дату гибели Пащенко: «1944 год». Об этом автору писем, Леониду Скорнякову, сообщил в Козельске очевидец. Он тоже видел, как живого Пащенко сожгли в крематории.